

Научная статья
УДК 881.161.09
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-25
EDN: GUWAVO

Сон и явь в «Петербургских повестях» Р. Сенчина

Гюльназ Гилемдаровна Рамазанова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы. 450077, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а
gulram.60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8294-0407>

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье стала повесть «Один плюс один», входящая в цикл «Петербургских повестей» известного российского писателя Р. Сенчина, написанных в разные годы, но по преимуществу отражающих умонастроения поколения, чья молодость пришлась на трагические и смутные девяностые XX века. Сюжет повести представляет собой современный вариант фабулы «карьера провинциала в столице». В повести две параллельные линии: в них отражена внешняя и внутренняя жизнь мужчины и женщины, приехавших в Петербург в поисках лучшей доли. В статье анализируются функции хронотопа в повествовании: культурно-исторические локусы, экстерьеры и интерьеры, бытовые пространства, в рамках которых проходит жизнь героев в произведении. Предметом особого внимания стали особенности отображения в повести категорий времени, сопоставляется субъективное его восприятие героями, приходящее в явное противоречие с объективным течением. В статье выявлены аллюзии и реминисценции, свидетельствующие о типологической близости современного повествования к ключевым текстам русской литературной классики, произведениям Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, а также к тексту современного писателя постмодернизма В. Пелевина, его рассказу «Спи», написанного в 1991 году. В разных ракурсах сопоставляются идейные и художественные решения, характерные для обоих произведений, в частности, анализируется роль и значение мотива жизни-сна, который становится не только ключевой, многозначной метафорой в повествованиях Р. Сенчина и В. Пелевина, но и его главным структурообразующим элементом. Рассмотрена психология героев повествования, страдающих от тотального и непреодолимого одиночества, функции их внутренних монологов и рефлексии.

Ключевые слова: проза Р. Сенчина; рассказ В. Пелевина «Спи»; тема Петербурга в отечественной литературе; фабула «карьера провинциала в столице»; реминисценции; хронотоп; метафора «жизни-сна»

Для цитирования: Рамазанова Г. Г. Сон и явь в «Петербургских повестях» Р. Сенчина // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 25–32. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-25>. <https://elibrary.ru/GUWAVO>

Original article

Dream and reality in Petersburg stories by R. Senchin

Gulnaz G. Ramazanova

Doctor of philological sciences, professor at the Russian literature department, Bashkir state pedagogical university named after M. Akmulla. 450077, Ufa, Oktyabrskaya revolyutsiya str., 3a
gulram.60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8294-0407>

Abstract. The subject of the article is the story One Plus One, part of the Petersburg Stories cycle by the famous Russian writer R. Senchin, written in different years, but mostly reflecting the mindset of the generation whose young years fell on the tragic and troubled nineties of the XX century. The plot of the story is a modern version of the story line «a provincial's career in the capital». The story has two parallel lines: external and internal lives of a man and a woman who come to St. Petersburg in search of a better life. The article analyzes the functions of chronotope in the narrative: cultural and historical loci, exteriors and interiors, everyday spaces where the life of the characters takes place. Special attention is paid to specific features of time categories in the story, and its subjective perception by the characters, which comes into apparent contradiction with the objective time flow. The article shows allusions and reminiscences that testify to the typological proximity of modern narrative to the key texts of Russian literary classics, to the works of N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, N. A. Nekrasov, as well as to the text of the modern postmodernism

writer V. Pelevin and his story «Sleep» (1991). The author compares the ideological and artistic solutions characteristic of both works from different perspectives; in particular, the role and significance of the life-sleep motif is analyzed, which becomes not only a key, meaningful metaphor in R. Senchin's and V. Pelevin's narratives, but also its main structuring element. The article considers the psychology of the characters suffering from total and insurmountable loneliness, the functions of their inner monologues and reflection.

Key words: R. Senchin's prose; V. Pelevin's story «Sleep»; the theme of St. Petersburg in Russian literature; the story line «a provincial's career in the capital»; reminiscences; chronotope; «life-sleep» metaphor

For citation: Ramazanova G. G. Dream and reality in Petersburg stories by R. Senchin. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):25–32. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-25>. <https://elibrary.ru/GUWAVO>

Введение

Название книги Романа Сенчина «Петербургские повести», опубликованной в 2021 году, интригующее и одновременно обязывающее. Цикл петербургских повестей создавался известным отечественным прозаиком на протяжении трех десятков лет, но отражает в основном девяностые годы прошлого столетия. Очевидно, что любой образованный человек ассоциативно свяжет это название со знаменитыми повестями Н. В. Гоголя, соотнесет эти два цикла произведений. Название, данное автором отнюдь не случайно, с неизбежностью порождает вопрос, насколько органично связан цикл повестей с мощной традицией, сложившейся в отечественной литературе и в чем проявляется оригинальность замысла Р. Сенчина, описывающего Петербург рубежа XX и XXI веков.

Необходимо отметить, что книга не вызвала многочисленных рецензий, как предыдущие произведения автора, хотя отклики критики и читателей, безусловно, есть: в частности, необходимо отметить рецензию С. Леонтьевой, опубликованную в газете «Литературная Россия». Запомнилось между прочим название отклика читателя на сайте «Культурный Петербург», который озаглавил свою полемическую реплику «Обман с помощью Гоголя, или Упражнения в пессимизме».

Тема «маленького человека»: новые вариации традиционного сюжета

В повести «Один плюс один», одной из самых интересных повестей цикла, наиболее явственно прослеживается преемственная связь с произведениями классиков русской литературы, обращавшихся к теме «маленького человека», выживающего, а чаще прозябающего в холодной и равнодушной столице, постепенно убивающей все его мечты и устремления.

В повести представлены два параллельных сюжета: рассказ о красивой и не очень удачливой девушке Марине чередуется с главами, где повествуется об обыкновенном, ничем не примечательном мужчине Игоре. Архитектоника повести

на первый взгляд проста, но повествование обогащается экскурсами в прошлое главных героев, психологическим подтекстом. Оба героя приехали в Петербург из провинциальных городков, они – так называемые маргиналы, пытающиеся как-то прижиться в северной столице. С. Леонтьева, говоря об общей тональности всех произведений известного прозаика, отмечает: «Сюжеты у Сенчина – жизнь людская, как есть. Без приукрашивания, без выковыривания породы. Без золотых семечек. <...> Они не погибают. Они прозябают» [Леонтьева, 2022].

Все художественные решения, прежде всего, хронотоп произведения, создают тягостную, гнетущую атмосферу однообразия, тоски и беспросветности их жизни. Петербург представлен несколькими локациями, они складываются в блеклый до бесцветности коллаж: описаны кафе, в котором работает девушка и частенько обедает героиней, «парадная» столица (площади, музеи, дворцы), и комнаты, в которых героини живут. Комнатки (выгороженный шкафом уголок в квартире сестры у Марины) и съемная комнатка в коммуналке Игоря с неизбежностью вызывают ассоциации с «петербургскими углами» не только Н. В. Гоголя, но и Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского.

Пространство, в котором обитает Марина, образует тривиальный треугольник: работа – улица – дом. В контексте повествования название кафе «Забава», где девушка трудится официанткой, звучит насмешкой: ничего интересного, а уж тем более забавного, в этой забегаловке нет. Выразительными штрихами воссоздана атмосфера унылого заведения: через запотевшие окна ничего не видно, они покрыты холодной белой испариной, на пластиковых столах стоят «искусно вырезанные из пластиковых полуторалитровых бутылок вазочки», Марина, словно приклеенная к просиженному старому стулу, – единственная симпатичная «деталь» кафе. Кажется, скука и апатия заполнили это пространство плотной и вязкой субстанцией. «Все знакомо, осмотрено чуть не до дыр <...> каждая деталь лепного узора под потолком изучена» Мариной за три года сидения здесь. Посетители одни

и те же: злобно ругающийся старик «жадно и безобразно рвущий бифштекс своими беззубыми челюстями» (читатель встретится с этим персонажем трижды), мрачные случайные клиенты, забегающие похмелиться, редкие парочки да галдящие подростки. Кафе, что называется, «дышит на ладан», его вот-вот закроют.

Улица, по которой Марина идет домой, тоже уныла: «Широкая, свободная от транспорта и толп пешеходов улица Седова. Когда-то она, наверное, должна была стать важной артерией города. Но не стала, и теперь сонливостью и тишиной наводит тоску... Плотно один к другому вдоль нее – одноцветные, желтые семиэтажные здания сталинской архитектуры. Величественные, строгие и обшарпанные, точно и нежилые» [Сенчин, 2021, с. 215].

Под стать и питерская погода, неизменно дождливая и промозглая: «За окном постепенно темнеет. Грязноватая синева превращается в серую холодную муть», нескончаемо идет «холодный, злой дождь».

Не менее тоскливо домашнее «гнездышко» героини. Уюта и покоя здесь нет и в помине, Марина становится постоянной свидетельницей нескончаемых скандалов между сестрой Верой и ее мужем, «психованным» Андреем, которые черпают жизненную энергию в испепеляющей их обоих ненависти друг к другу.

Художественное пространство, связанное с Игорем, гораздо шире, оно развернуто в разных плоскостях: включает в себя провинциальный городок, в котором он родился, общагу, каптерку в армии на маленькой погранзаставе, обувной склад, на котором герой «протрубил» несколько относительно безбедных, денежных лет, станции метро, комнатку в коммуналке. Его «кругозор» и жизненный опыт гораздо шире, чем у Марины. Игорь некогда жадно впитывал в себя впечатления, видовые картинки Петербурга – музеи, внутренности дворцов, скамейки на набережной Невы, даже посещенную им одиночку в Петропавловской крепости, но вскоре и они стали для него «нереальными, полузабытыми, словно картинки из давнишнего сна» [Сенчин, 2021, с. 219]. Необходимо отметить, что в цикле произведений о Москве и «главная» столица воспринимается героями Р. Сенчина абсолютно индифферентно, без всякого восхищения и пиетета. Нельзя не согласиться с мнением М. Селеменовой, которая отмечает в этой связи: «Москва в прозе Р. Сенчина „разбухает“, но при всей переполненности, скупченности, выглядит семиотически пустой, так как

знаковые, имеющие обширную литературную и культурно-историческую традицию локусы не попадают в поле зрения автора» [Селеменова, 2015, с. 133].

Образ Игоря объемный, автор прослеживает траекторию деградации, постепенного скатывания героя на дно петербургской жизни. Сильные впечатления и эмоции Игорь испытывать перестал давно, крепко запала в память лишь камера в Петропавловской тюрьме. Нынешнее жилье напоминает Игорю ту самую тюремную камеру-одиночку: «окно внизу, со стороны улицы, забито фанерным листом – как однажды высадили стекло, наскоро заделали тем, что попало под руку, так и осталось» <...> и сплошь и рядом можно увидеть следы давно остановившейся жизни, оторопевшего времени...<...> существуешь в ней и не замечаешь предметов, этой фанеры в окне, обесцветившихся от древности обоев, лампочки на длинном, обросшем пылью шнуре...» [Сенчин, 2021, с. 219]. Грязь, принимающая различные облики, становится постоянным фоном повествования, автор описывает картины разрушения, тлена, разложения. Герой день изо дня метет нескончаемый мусор, который извергает из себя город – окурки, чеки, целлофановые обрывки, липнущие к асфальту.

Категория времени как структурообразующий элемент повествования

Главный лейтмотив, пронизывающий и структурирующий все повествование, – это образ времени. Оно изображено парадоксальным образом: с одной стороны, бесконечно протяженное, нескончаемо вязкое, герои стараются «убить» его разными способами, но это «длинное» время как-то незаметно для них самих спрессовывается в года и даже десятилетия.

Героиня сидит в ненавистном кафе и считает минуты до окончания рабочего дня: «стрелки топчутся на одном месте», Марина оглядывается по сторонам, попадет ли на глаза нечто интересное, что «хоть на десяток минут оторвет от наблюдения над слишком медленным временем». В другом эпизоде Игорь напряженно ждет «заказанную» на час проститутку, неотрывно глядит на часы, считая нескончаемые минуты.

Марина, живущая в ожидании какого-то неопределенного, но непременно счастливого поворота судьбы, вдруг замечает: «Дни идут, перетекают в месяцы, и вот за спиной почти пять лет здесь. В этой мрачной квартире, в этом неласковом, вечно насупленном городе...». Снова и снова

она возвращается к надоевшим серым будням и мыслям: «И чуть ли не каждое утро кажется, что больше не можешь идти на работу, терпеть приставания пьяных, грубых парней, следить за оставившимися в часах стрелками. Но нет, дни идут, перетекают в месяцы, собираются в годы. И сгорают, сгорают безвозвратно там, за спиной» [Сенчин, 2021, с. 244].

Игорь, в свою очередь, тоже ведет счет: одиннадцать лет назад, окончив десятилетку, приехал в Питер, поучился в ПТУ, бросил учебу, забрали в армию на два с половиной года, вернулся в родной город, потом с деловым и удачливым другом Борькой вновь уехал в Петербург, пять лет прожил под его «крылышком» и вот уже несколько лет работает дворником. Жизнь вроде вяло ползет, а на самом деле пролетает вереницей серых дней. То и дело у героев возникают мысли бросить эту тягостную рутину, вернуться домой, но...

У каждого из них есть манок, мираж, который удерживает, обманывает коварством надежды: в глубине души герои грезят об одном. Марина думает: «Здесь тоже не очень-то весело, но греет чувство, что праздник совсем рядом, вот он за стеклом блестящей машины, за дверью бара, ночного клуба, и он, праздник, в любую секунду может закружить тебя в своем танце. И значит – есть смысл терпеть и ждать. Надеяться» [Сенчин, 2021, с. 241–242].

Вторят ее мыслям и рассуждения Игоря: «А как устроились все эти миллионы людей в Питере, где каждый третий – бывший студент, бывший лимитчик? <...> В ответ приходили полудетские, сказочные, совсем не мужские мечты, которые греют пятнадцатилетних девчушек, садящихся в поезд вроде Рыбинск–Санкт-Петербург <...> Случайная встреча, жгучий взгляд, любовь, счастье, прекрасная семейная жизнь в уютном гнездышке с веселыми окнами на Неву...» [Сенчин, 2021, с. 224].

Функции метафоры «жизнь-сон» и образ маргинального героя в произведениях В. Пелевина и Р. Сенчина

Сквозной образ жизни-сна становится еще одним важнейшим элементом структуры, связывающим повествование в единое целое. Вполне прозрачная метафора становится одной из доминант повести: автор настойчиво и целенаправленно акцентирует внимание читателя на том, что герои все время пребывают в прострации, в тягостной или вполне приятной полудреме, они все время

хотят спать, никак не могут окончательно проснуться, очнуться, стряхнуть с себя морок.

Даже в добрые времена, проведенные под покровительством Бориса, Игорь «просто приятно дремал», после разорения начальника, которое окатило героя холодным душем, немного промаявшись без жилья и денег, Игорь, сняв у старушки грязную, запущенную комнатушку, «успокоился и опять таки погрузился в хоть и не очень приятную, но все-таки спокойную дрему» [Сенчин, 2021, с. 224]. Марина тоже все время думает о сне, ждет хотя бы краткого избавления от безрадостного прозябания в забытии.

Такое отображение жизни вообще характерная, типическая черта для прозы Р. Сенчина, оно доминирует во всех его произведениях. Татьяна Веретенова уже в названии рецензии «Невыносимая и единственная жизнь» фиксирует главное впечатление от прочтения «Петербургских повестей». Она пишет: «Для многих персонажей жизнь – „цепь одинаково мертвых дней” и им лишь „суждено продолжать и продолжать невыносимую и единственную длинную жизнь” <...> Пошлость повседневной жизни, тоску муторного, однообразного существования Сенчин умеет показать как никто другой. Большинство героев, с одной стороны, пребывают как будто в полудреме, спячке, но в то же время страдают от своей механистичности, автоматизма» [Веретенова, 2021].

Мотив жизни-сна сближает текст Р. Сенчина с ранним рассказом В. Пелевина «Спи» (1991). Автор, словно оттолкнувшись от пелевинского гротеска, разворачивает свое повествовательное полотно. Характерно, что порой тексты В. Пелевина и Р. Сенчина совпадают почти буквально:

Пелевин: «Постепенно Никиту перестало удивлять, что спящие пассажиры метро ухитряются переругиваться, наступать друг другу на ноги и удерживать на весу тяжелые сумки, набитые рулонами туалетной бумаги и консервами из морской капусты, – всему этому он научился сам» [Пелевин].

Сенчин: «Почти все люди – Игорь сделал открытие для себя – пребывают словно бы в дреме. Ходят на работу, закупают продукты, едят разговаривают, даже ругаются, а сами дремлют» [Сенчин, 2021, с. 219].

Представляется, что реминисценция очевидна, но, нельзя исключить и того, что совпадения случайны, тем интереснее и показательнее момент бессознательного творческого пересечения.

В рассказе Пелевина герой Никита Сонечкин (говорящая фамилия!) тоже постоянно спит. Но симулякры, непременно появляющиеся в причудливой картине мира Пелевина, выполняют определенные функции, их специфика рассмотрена в статье О. В. Богдановой, Н. П. Беневоленской. Авторы выявляют социальную и психологическую подоплеку такого странного существования героев: «Упоминание идеологического курса советского периода – марксистско-ленинской философии, сравнение «ушастого доцента» с попилом <...> задают не только временные границы повествования, но социально-политическую систему координат («идеологическую программу») рассказа, обрисовывают каркас тех идеологем, с которыми работает Пелевин. Учение Маркса-Энгельса прочитывается в этой системе координат как основное снотворное средство, которое вергает население страны в состояние сна» [Богданова, Беневоленская, 2009, с. 14]. Очевидно, что метафора Пелевина решает задачу десакрализации ключевых идеологем советского времени и образа мыслей (да и образа жизни) зомбированных ими людей.

Но близость этих двух произведений просматривается и во многом другом. Герои живут в своих собственных наглухо замкнутых капсулах, прорваться к ним сквозь невидимую оболочку невозможно. Попытку преодолеть отчужденность, выяснить, какие сны видят другие люди, предпринимает Никита: «Глядя на крохотные фигурки людей, Никита с тоской думал, что до сих пор не знает ни содержания их сновидений, ни отношения, в котором для них находятся сны и явь, и что ему совсем некому пожаловаться на приснившийся кошмар или поговорить о снах, которые ему нравятся» [Пелевин]. Он хочет завязать диалог со случайной прохожей. Осторожно, подбирая слова говорит: «Я, так сказать, понимаю, что перехожу границу...».

После этих слов женщина начинает дрожать от ужаса. Позже выясняется, что женщина – сумасшедшая, и в детстве ее изнасиловали два пограничника, «прямо в кинотеатре, во время фильма „Ко мне, Мухтар“». В коляске у помешанной лежит бюст Дзержинского в пленках, и сама она «пристает к собачникам, хочет, чтобы на нее овчарку спустили» [Пелевин]. Метафора «перейти границу» – фигура речи, употребляемая в общении, попадает в болевую точку, непосредственно в бред этой женщины. Нагромождение подробностей фантазмагорических обстоятельств совершенного акта жуткого насилия, сконструирован-

ное автором, легко декодируется и имеет рациональное объяснение. Пограничники, призванные охранять и защищать, насилуют девочку во время демонстрации фильма о героизме доблестной милиции. В. Пелевин в свойственной ему художественной манере и логике абсурда разоблачает систему правоохранительных органов советского государства. Понятно, что мысль облачена в отвратительный в своем цинизме гротеск, но в реальности насилие по отношению к женщине – устоявшаяся норма жизни, никакое другое взаимодействие, хотя бы подобие диалога, между мужчиной и женщиной зачастую невозможно. Стяжение этих мотивов мы видим и в повести Романа Сенчина.

Герои его повести словно живут начерно, как придется, довольствуясь суррогатами эмоций, чувств, отношений, ведь все для них совершается словно в вязкой дремоте, в не очень страшном, но перманентном полусне-полукошмаре серых дней в преддверии настоящей жизни.

Марина время от времени отдается ласковому и вполне безобидному душевнобольному соседу Антону, одновременно испытывая некоторую психологическую брезгливость, но вполне осязаемое физическое удовлетворение, встречается с случайными партнерами, понимая, что эти отношения ни к чему не ведут. Автор описывает готовность Марины вступить в связь с любым «из другой жизни», о которой она тайно мечтает: «Человека с таким взглядом бояться нечего – она нужна ему на несколько часов. Провести время, обновить впечатления. Уже бывало так раза три, и все заканчивалось хорошо. Сначала в клуб, там танцы, коктейли, бильярд <...> яростный, похожий на драку секс, минуты сна. И – утро, приятная усталость и опустошенность, „деньги на машину“, снова помрачневший, посуровевший после короткой улыбки город...А если повезет...» [Сенчин, 2021, с. 263].

Все предельно рационально, цинично, без иллюзий и сантиментов, но в глубине сознания все же теплится надежда: «а если повезет...». Героиня ограждает себя от таких мыслей: «Да нет, и не надо чтобы везло. Именно так – вечер, ночь, утро. А там пусть снова эта „Забава“, Антон, Верка, псих Андрей, месяц, другой» [Сенчин, 2021, с. 263].

Игорь покупает проститутку по объявлениям в газете, понимая, что его нынешний социальный статус не предполагает «нормальных» отношений с женщиной. Весьма показательно, что и в лучшие времена, когда водились деньги, он также

ограничивался ни к чему не обязывающими связями с «жрицами любви». Сейчас он нервничает, тушует под равнодушным взглядом проститутки, его «внутренний человек» боится издевки над ним – грязным, опустившимся, перед нами «подпольный человек» 21 века, но без особого психологического самокопания и рефлексии.

Герои обоих произведений словно и не замечают, как безвозвратно утекает время их жизни. Пелевин оформляет эту мысль мастерски: неожиданно, даже загадочно. Молодой парень – Никита Сонечкин – оправляется на прогулку пешком, а возвращается на метро. Ярким калейдоскопом в его сознании-сне сменяются странные картинки: какое-то собрание солидных мужчин, три тела, покинувших свои костюмы, дружинники, с которыми он пьет водку, Ельцин, партсобрание. Возвращаясь с прогулки, он, теперешний, вдруг уже думает о дочке, которую нужно забрать из садика, о своей жене. В метро герой видит свое отражение в стекле вагона: «Вокруг уже был вагон метро, и беременная баба в упор сверлила глазами из-под низко опущенного платка его лысину <...> Он подошел к дверям и поглядел на свое усталое морщинистое лицо в стекле, за которым неслись переплетенные электрические змеи. Вдруг лицо исчезло и на его месте появилась черная пустота с далекими огнями: тоннель кончился, и поезд взлетел на мост над замерзшей рекой» [Пелевин]. Временной провал страшен, он просто зияет, абсурдный и необъяснимый, жизнь-сон пронеслась совершенно незаметно.

Герои Р. Сенчина, параллельно проживающие свою жизнь-сон, знакомые незнакомцы: мимолетные встречи в кафе, изредка бросаемые друг на друга взгляды, дежурная улыбка и вежливость девушки по отношению к не очень презентабельному клиенту. Оба и не подозревают, насколько они внутренне близки, как схожи их жизни и судьбы. Вдруг герой, очнувшись от бесконечного сна, делает отчаянную попытку изменить течение жизни. Первый шаг – пригласить понравившуюся девушку из кафе на свидание. Он идет в парикмахерскую, обновленный и благоухающий, приходит в «Забаву», делает непривычно дорогой заказ. Сначала ласково, нежно, кликает девушку, неловко и сбивчиво приглашает ее на свидание. Видя ее нерешительность, понимает, что он – обыденный, «настоящий» – девушке совершенно безразличен. Тогда мгновенно принимает решение облачиться в личину вождя «другого» – успешного, богатого. Торопливо рассказывает наспех выдуманную историю о том, что он – биз-

несмен, испытывающий временные сложности, вынужденный скрываться. Игорь не может знать, что девушка мучительно решает уравнение с двумя неизвестными, этим утром ее уже пригласили на свидание, она колеблется – с одной стороны свидание, что «на несколько часов», с другой – приглашение явного самозванца, ряженого. Опыт и интуиция Марину не подводят, она не верит лжи Игоря, отказывает ему. Почувствовав отпор, герой срывается в насилие, грубо хватая девушку за руку, пытаясь ее удержать, а затем позорно бежит из злополучного кафе.

Финал раскрывает смысл заголовка «Один плюс один»: простая формула не сложилась, будущее обоих героев вполне предсказуемо: потерпев фиаско, Игорь вновь погрузится в летаргический сон апатии, так же бесцветно будет протекать и дальнейшая жизнь Марины.

Заключение

«Петербургские повести» Р. Сенчина, безусловно, по-своему продолжают традиции русской литературы. В книге изображен город, утративший свое былое имперское величие, слегка померкший, но неизменно холодный и равнодушный к населяющим его «маленьким людям», живущим почти два века спустя после героев Н. В. Гоголя. Весь цикл произведений Р. Сенчина пронизан безысходной тоской, так же как и в повестях Н. В. Гоголя, физиологическом очерке «Петербургские углы» Н. А. Некрасова, «петербургских» романах Ф. М. Достоевского, здесь нет счастливых поворотов судеб, нет удачливых героев, пробившихся к лучшей жизни, а финалы по преимуществу безрадостные, часто трагические. Живут эти герои, как и двести лет назад, во все тех же убогих «углах», смрадных, заполненных рухлядью коммуналках, но главное, что сближает произведения великих классиков и современного писателя – точное воспроизведение атмосферы отчужденности, враждебности, царящей в отношениях людей, их тотального одиночества под серым, вечно плачущим небом Петербурга.

Библиографический список

1. Аюпов Т. Р. Художественный мир раннего Пелевина // Мир науки, культуры, образования: международный научный периодический журнал. 2021. № 4 (89). С. 451–454.
2. Басинский П. Современного писателя Сенчина не должно было быть // Российская газета. № 109. 22.05.2016.
3. Богданова О. В., Беневоленская Н. П. Социологизированный вариант субъективного идеализма в

рассказе В. Пелевина «Спи» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 2. Ч. 2. С. 13–20.

4. Веретеннова Т. Невыносимая и единственная жизнь // Знамя, 2021. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8079> (дата обращения: 06.03.2024)

5. Генис А. Поле чудес: Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12. URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/zvezda/1997/12/genis1.html> (дата обращения: 06.03.2024)

6. Леонтьева С. Книги Романа Сенчина как мелодия романа // Литературная Россия. 2022. № 14. 15.04.2022. URL: litrossia.ru (дата обращения: 06.03.2024)

7. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учебное пособие. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с.

8. Нефагина Г. Л. Русская проза конца XX века : учебное пособие. Москва : Флинта, 2005. 320 с.

9. Пелевин В. О. Спи. URL: <http://www.pelevin.nov.ru/rass/pe-spi/1.html> (дата обращения 15.02.2024).

10. Пономарева Т. А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 2. С. 274–281.

11. Репина М. В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма. Москва, 2004. 25 с.

12. Селеменова М. В. «Московский текст» в творчестве Р. Сенчина // Пушкинские чтения. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX международной конференции. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 131–139.

13. Сенчин Р. В. Петербургские повести. Москва : Эксмо, 2021. 320 с.

14. Сенчин Р. В. Московские тени. Москва : Эксмо, 2009. 416 с.

15. Скоропанова И. С. Сфера сознания и бессознательного в произведениях Виктора Пелевина // Русская постмодернистская литература: учебное пособие. 6-е изд. Москва : Флинта, 2001. С. 433–440.

16. Старыгина Н. Н. Система локальных сверхтекстов русской литературы // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. Филологические науки. 2017. № 3 (95). Ч. 2. С. 129–134.

17. Суковатая В. А. Петербургские камни и имперские символы: поэтика и мифология города // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 53–68.

18. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст в русской литературе»: введение в тему // Миф. Ритуал. Символ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва : Прогресс-Культура, 1995. С. 253–367.

19. Федунина О. В. Форма сна и ее функции в романном тексте // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 44–55.

20. Шурупова О. С. Особенности анализа концептосферы городского сверхтекста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 7. Ч. I. С. 161–163.

Reference list

1. Ajupov T. R. Hudozhestvennyj mir rannego Pelevina = The literary world of early Pelevin // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija: mezhdunarodnyj nauchnyj periodicheskiy zhurnal. 2021. № 4 (89). S. 451–454.

2. Basinskij P. Sovremennogo pisatelja Senchina ne dolzhno bylo byt' = The contemporary writer Senchin should never have existed // Rossijskaja gazeta. № 109. 22.05.2016.

3. Bogdanova O. V., Benevolenskaja N. P. Sociologizirovannyj variant subektivnogo idealizma v rasskaze V. Pelevina «Spi» = Sociologized version of subjective idealism in V. Pelevin's story «Sleep» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2009. Ser. 9. Vyp. 2. Ch. 2. S. 13–20.

4. Veretenova T. Nevynosimaja i edinstvennaja zhizn' = An unbearable and only one life // Znamja, 2021. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8079> (data obrashhenija: 06.03.2024)

5. Genis A. Pole chudes: Viktor Pelevin = The field of wonders: Victor Pelevin / Zvezda. 1997. № 12. URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/zvezda/1997/12/genis1.html> (data obrashhenija: 06.03.2024)

6. Leont'eva S. Knigi Romana Senchina kak melodija romana = Roman Senchin's books as a melody of the novel // Literaturnaja Rossija. 2022. № 14. 15.04.2022. URL: litrossia.ru (data obrashhenija: 06.03.2024)

7. Mednis N. E. Sverhteksty v russkoj literature = Superstexts in Russian literature S: uchebnoe posobie. Novosibirsk : NGPU, 2003. 170 s.

8. Nefagina G. L. Russkaja proza konca XX veka = Russian prose of the late XX century : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta, 2005. 320 s.

9. Pelevin V. O. Spi = Sleep. URL: <http://www.pelevin.nov.ru/rass/pe-spi/1.html> (data obrashhenija 15.02.2024).

10. Ponomareva T. A. Marginal'nyj geroj v proze R. Senchina = Marginal hero in R. Senchin's prose // Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. № 2. S. 274–281.

11. Repina M. V. Tvorcestvo V. Pelevina 90-h godov XX veka v kontekste russkogo literaturnogo postmodernizma = V. Pelevin's creative work in the 1990s in the context of Russian literary postmodernism. Moskva, 2004. 25 s.

12. Selemenova M. V. «Moskovskij tekst» v tvorcestve R. Senchina = «Moscow text» in R. Senchin's creative work // Pushkinskie chtenija. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XX mezhdunarodnoj konferencii. Sankt-Peterburg : LGU im. A. S. Pushkina, 2015. S. 131–139.

13. Senchin R. V. Peterburgskie povesti = Petersburg stories. Moskva : Jeksmo, 2021. 320 s.

14. Senchin R. V. *Moskovskie teni = Moscow shadows*. Moskva : Jeksmo, 2009. 416 s.
15. Skoropanova I. S. *Sfera soznaniya i bessoznatel'nogo v proizvedenijah Viktora Pelevina = The sphere of the conscious and unconscious in Victor Pelevin's works* // *Russkaja postmodernistskaja literatura: uchebnoe posobie*. 6-e izd. Moskva : Flinta, 2001. S. 433–440.
16. Starygina N. N. *Sistema lokal'nyh sverhtekstov russkoj literatury = The system of local supertexts in Russian literature* // *Vestnik ChGPU im. I. Ja. Jakovleva. Filologicheskie nauki*. 2017. № 3 (95). Ch. 2. S. 129–134.
17. Sukovataja V. A. *Peterburgskie kamni i imperskie simvolj: pojetika i mifologija goroda = St. Petersburg stones and imperial symbols: poetics and mythology of the city* // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*. 2013. № 3. S. 53–68.
18. Toporov V. N. *Peterburg i «Peterburgskij tekst v russkoj literature»: vvedenie v temu = St. Petersburg and «Petersburg text in Russian literature»: introduction to the topic* // *Mif. Ritual. Simvol: issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo: izbrannoe*. Moskva : Progress-Kul'tura, 1995. S. 253–367.
19. Fedunina O. V. *Forma sna i ee funkcii v romanom tekste = The dream form and its functions in the novel text* // *Novyj filologicheskij vestnik*. 2011. № 3 (18). S. 44–55.
20. Shurupova O. S. *Osobennosti analiza konceptosfery gorodskogo sverhteksta = Specifics of analyzing the concept sphere of the urban supertext* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov : Gramota, 2016. № 7. Ch. I. S. 161–163.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 17.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024